

Элеонора ЖУКОВА

*Пока мы живы -
все возможно*

Элеонора ЖУКОВА

*Пока мы живы -
все возможно*

избранное

2007 г.

Родная моя!

Ты держишь в руках свою первую книгу, а мою давнюю мечту. Эта книга для тебя и для меня, и не знаю, кто из нас сейчас более счастлив. Теперь в моём книжном шкафу между Дементьевым и Рубальской будет стоять твоя книга, и вновь в который раз согреют душу строки:

***Может, там, далеко, не спишь ты,
А кругом тишина и покой,
То же небо и те же звёзды
Над Уралом и над тобой.***

А мои девчонки в который раз спросят: «А эта книжка вправду бабушки Эли?» Ведь ты же знаешь, что давно их сердечко полюбило вместе с Вологдой твой Урал. А мама, может быть, всплакнёт, пролистав эти несколько страниц, и в душе порадуетя, что мой сюрприз удался.

Жаль, что твоя мама, а моя бабушка Надежда Аполлоновна никогда не прочтёт:

***Снова вижу я кустик герани
На окне в суете городской,
Вспомню детство и вспомню о маме,
И наполнится сердце тоской.***

Я горжусь тобой, равняюсь на тебя, жду твоего совета и счастлива, что ты есть.

С юбилеем тебя, моя родная, и пусть наш скромный подарок согреет тебе душу.

Невыдуманные истории

А может, это любовь?

Эта история произошла много-много лет тому назад.

Меня, восемнадцатилетнюю девчонку, после окончания педучилища направили работать в сельскую так называемую малокомплектную школу. Сельсовет выделил бесплатную комнатку при школе. Помню, как ранним зимним утром приходила техничка тётя Нюра, топила печки, подметала полы, кипятила чай и будила меня: «Вставай, голубушка, скоро детоньки пожалуют!» Помню, как на переменке мы с ребятами подкреплялись печёной картошкой. И всё благодаря тёте Нюре – царство ей небесное...

В школе моей было всего 8 учеников. Молодёжи в деревне осталось мало, и частенько тётя Нюра утешала меня: «Не тоскуй и не скучай. Скоро из армии три парня придут. Один-то уж

шибко хороший, в самой Германии третий годок дослуживает».

А я, по правде сказать, больше скучала не по кавалерам, а по родному дому и с нетерпением ждала зимние каникулы. Да случилось тут большое препятствие для моего свидания с мамой, сестрёнкой и бабушкой. Дня за три до Нового года начался снегопад. Все дороги так завалило, что не проехать, не пройти. А до райцентра 20 км, и в путное-то время можно только на тракторе или пешком добраться. А тут ещё морозец да метель. Вот 31 декабря тётя Нюра мне и говорит: «Что тебе в школе одной-то куковать. Приходи к нам. Тебе так лучше, да и нам с дедом веселей будет. У нас заночуешь, а прочистят худо-бедно дорогу, так и отправляйся с Богом домой!»

Пришла я к ним, а тётя Нюра велела мне на печку залезать погреться, пока она со скотиной управляется да самовар наставляет. Говорит:

- Погрейся, валенки посуши, потом почаёвничаем, дак ещё и в клуб сбегаем. С тобой-то и меня дед отпустит, а сам домовничать останется.

Заплела я с десяток косичек, думаю, распушу – волосы будут волнистые, когда в клуб пойдём, и забралась с книжкой на печку.

Вдруг стук в дверь. Заходит парень. Высокий он, румяный, белозубый, в солдатском бушлате и в шапке со звездой. Здоровается с хозяевами, обнимается и рассказывает, что еле дошёл из райцентра, дороги совсем нет, а очень хотелось к Новому году домой попасть. Говорит, водички попить дайте да пойду, шестой день в пути, осталось всего два километра.

А я голову со своими нелепыми косичками с печи свесила. Он смотрит на меня, руку подаёт, – знакомится. Тётя Нюра говорит: «Вот в клуб сегодня собираемся!» А он: «Можно мне с вами?» А сам глаз с меня не сводит. Тётя Нюра ему: «Дак иди

забирай свою матушку, она ведь мне подруга, да и приходите, вместе Новый год встретим!»

Ушёл он, а тётя Нюра мне: «Ведь об этом парне я тебе всю осень-то твердила!» А я думаю, парень, конечно, как картинка, да интересно узнать, так ли уж хорош, как его нахваливают.

Новый год мы встречали вместе с ним и будущей моей свекровью. А мой «интерес» обернулся тем, что следующий Новый год принёс нам в подарок хорошенького маленького сыночка. Свекровь вначале была не в восторге от выбора сына. Была у неё на примете другая красавица – «кровь с молоком». А во мне и весу-то тогда было не больше 40 кг. Потом она, конечно, смирилась и даже с гордостью заявляла деревенским кумушкам, что невестка ей досталась «золотая».

Отработала я по распределению три года, и мы перебрались в город. Вместе мы уже не один десяток лет. Но встречая

Новый год, мой «солдат», выпив традиционный бокал шампанского и ещё чего-нибудь посущественнее, снова и снова вспоминает тот далёкий предновогодний вечер, признаётся в любви с первого взгляда и поёт:

Представить страшно мне теперь,
Что я не ту открыл бы дверь,
Другой бы улицей прошёл,
Тебя не встретил, не нашёл...

А я молчу и не знаю, люблю ли я его? Ведь мы такие разные. Я люблю стихи, а у него на них «аллергия». Если случилось летом полежать на травке, то я всегда смотрела на небо, на плывущие облака, искала похожие на что-нибудь, а он дремал, уткнувшись носом в мой бок. Когда идём вместе по неосвещённой улице поздним зимним вечером, я останавливаюсь и гляжу на звёзды, а он ворчит: «Не запись, под ноги смотри!» Я люблю вечером посидеть подольше да утром поспать, — а он наоборот!

Но если его нет пару дней дома, то у меня почему-то и телевизор не показывает, и радио замолкает, и утюг не гладит, и лампочки перегорают. И уж не читается мне и не мечтается. И такое у меня чувство, что это я его, как своих сыновей, родила.

А может, это любовь?

Две невесты

В моей истории есть и свадьба, и гости, и жених, и невеста, а точнее, даже не одна, а две невесты.

А дело было так. Несколько лет назад уговорила меня, любимую тётушку, моя любимая и единственная племянница приехать к ней на свадьбу. Пишет, звонит, говорит, мол, без тебя, то есть без меня, и свадьба будет не свадьба. А ехать было не ближний свет – из Североуральска да в рабочий посёлок под Ленинградом. Ну что ж, думаю, какие мои годы...

Сняла ковёр со стены в подарок молодым, поехала.

Добралась на четвёртые сутки, как раз накануне свадьбы оказалась там, к вечеру уж было дело.

Собрались подружки невесты, меня в компанию к себе взяли. А я по молодости-то шибко была заводная, выдумщица, с малолетства любила «выступать»,

ну и в художественной самодеятельности при советской власти бывала не в поле обсевок.

Вот девчонки и говорят: «Не отпустим спать, пока не придумаешь чего-нибудь, чего на других свадьбах не было!» Ну, я и выдумала. Говорю, давайте, когда жених за невестой придёт да все испытания выдержит (узнать среди десятка фотографий голопузиков свою будущую жену, да среди десятка стоптанных тапочек тапки будущей тёщи и так далее и тому подобное), выведем ему подложную невесту. Посмотрим, как он будет выкручиваться, если заранее не будет знать о таком сценарии. Говорю девчонкам – и одной, и другой, и третьей – давай тебя нарядим невестой. А они в голос: «Да мы не знаем, что говорить да что делать!» А настоящая невеста говорит: «Ой, от них толку не будет. Мой-то растеряется, и так не смелый, будет молчать, как пень, а эти будут только хихикать да прихохатывать

– всё дело испортят. А лучше тебя, тётушка, никто не сыграет!»

Ну, поупиралась я, поупиралась и согласилась. Утром ранёхонько принесли они чьё-то платье старенькое свадебное, фату, я втиснулась кое-как, так, что в буквальном смысле слова по швам трещит. Девчонки свои косметички повытаскивали, в общем «сделали» мне и глаза, и губы, и причёску высокую, туфли белые на высоченном каблуке. Лицо фатой накрыли.

Настал урочный час.

Зрителей, родственников полон дом. Мы с настоящей невестой спрятаны в задней комнате. Обе волнуемся... Хоть валерьянку пей.

Слышим, объявляют, поздравляют жениха, что прошёл все испытания, и вручают ему невесту. И выводят меня! Ой, это был, как теперь говорят, мой звёздный час! Жених потерял дар речи, а мне пришлось играть роль обманутой невесты. Говорю, да

что же это, я с Урала приехала, обещали жениха чернявенького на грузинца похожего, а этот больно молод и да поди-ка ещё и бедный.

Оплачивайте мне расходы на дорогу да на платье свадебное. Подняла подол платья, стали мне туда складывать деньги, конфеты. А я потом на пол всё это вытряхнула и говорю: «Передумала. Согласна и за молодого этого жениха замуж». Друг жениха говорит: «Давай, я на тебе женюсь!» А я ему: «Не хочу за тебя. Ты бойкий, удалой, да я бойкая – не уживёмся. Драться будем! Хочу за этого скромного жениха! Уж ничего, что он молодой. Это явление временное».

Тогда они снова давай от меня, как от невесты откупаться. А как положат мне в подол мелочь, я опять шварк всё на пол! Долго этот концерт продолжался. Много смеху было.

Ну, а дальше – всё как у всех. ЗАГС, кафе, застолье, плакаты, танцы...

Река детства – река жизни

Позвонила мне вчера сестра из Туровца и, словно бы между делом, добавила: «А сегодня на Сухоне лёд тронулся». И нахлынуло столько воспоминаний. Всё было как будто вчера: Сухона и самая большая и самая красивая деревня Уваровица!

Так считали не только мы, но и все проплывающие на пароходе Вологда – Тотма. И снова перед глазами наш дом на берегу реки, в котором дружно уживались медпункт, школа и наша семья с небогатым хозяйством.

Помню, с каким волнением, радостью и ожиданием чего-то хорошего выбегали мы, девчонки, на берег и смотрели на проплывающие мимо проруби, обставленные ёлками, и гадали, в какой же деревне бабы полоскали в них бельё, и черпали в них воду и несли вёдра на коромыслах. А река так сильно и плавно ворочала большие льдины. А потом по воде плыли отдельные небольшие льдины, сияло солнце,

тропинка на крутом берегу вдоль деревни быстро подсыхала, и тогда возникало непреодолимое желание скинуть поскорее тяжёлые сапоги, и приходилось по долгу клянчить у мамы разрешение побегать босиком.

Прямо сейчас возникло это ощущение, когда крутишься на одной пятке, и ветер свистит в ушах.

А потом, конечно же, обязательные цыпки на руках и ногах. Так и хочется спросить своих ровесниц-землячек: «А ты помнишь, как приносили на щепочках солидол и «лечили» цышки, чтобы не «чивкали»?

Были в моей жизни и другие реки.

Несколько лет назад посчастливилось побывать в круизе по Каме и Волге на комфортабельном теплоходе.

Было здорово, но Сухону – реку моего детства – заменить невозможно. Я счастлива, что там живут самые дорогие для меня люди. Рада, что хотя бы по телефону услышала эти слова: «А на Сухоне – лёд...».

Мысли вслух

Где-то читала, что если человек начинает жить воспоминаниями, значит, он состарился. А мне кажется, что можно вспоминать прошлое с любовью, радостью, грустью, но в это же время не переставать мечтать. И разве общие воспоминания не объединяют людей, а воспоминания сугубо личные не делают каждого из нас самим собой, не похожим на другого человека?

Помню, как в юности смешно было слышать рассказ какой-нибудь 40-летней "старухи" о том, как она бегала на танцы, и сколько парней пытались за ней ухаживать.

Помню, как непонятны мне были маминны слёзы после одного случая, когда мы с подружкой, 14-летние девчонки, пытались переплыть реку и вдруг из-за мыса вылетел катер... Мы тогда чуть не утонули! И спустя многие годы мама плакала, вспоминая тот день.

Помню, как в деревенском детстве, лёжа с любимой бабушкой на печке, я рассматривала её коричневые худенькие руки, а выступающие вены казались мне реками и ручейками. Проводила я по ним пальчиком, мечтала и говорила: "Бабуля, а летом мы с тобой поплывём на лодке за малиной? Ты научишь меня грести вёслами? А купаться разрешишь?" Тут же возникали ещё десятки вопросов. А она уклончиво отвечала: "Доживём - увидим". Эти слова мне были непонятны и сердили меня.

Меняется время. Мы растём, взрослеем, стареем. А я не представляю себя без этих воспоминаний и, став бабушкой, безоговорочно включаюсь в мечтания моей внучки. Тех бабушкиных слов стараюсь вслух не произносить. Как же всё-таки здорово, когда есть с кем поговорить на тему "А ты помнишь?" Вы со мной согласны?

Три женщины

Поезд. Купе полутёмное.

Куда я еду, не знаю.

Три женщины тихо вздыхают,

О чём-то своём печалюсь,

Слезинки текут из глаз...

Я, выпив горячего чаю,

С наивной попыткой утешить

Вопрос задаю дежурный:

- Случилось что-то у вас?

Мне первая так сказала:

- Гоню я тревоги прочь,

Да уезжаю надолго,

Обратного нет билета,

И сердце моё страдает

За тех, кого оставляю.

Им дать не смогу совета,

Ничем не смогу помочь.

Вторая, вздохнув, сказала,

В окно посмотрев с тоскою:

- Всё у меня иначе –

И я уезжаю надолго,

Обратного нет билета,
Но гложет сердце обида –
Никто обо мне не вспомнит,
Никто обо мне не заплачет,
Никто мне вслед на прощанье
Уж не взмахнёт рукою.
А третья сказала тихо:
- Я плачу, но плачу от счастья.
Верю – из дальней дали
Мне суждено вернуться,
Знаю, что на перроне,
На старом речном причале
И у родной калитки
Встретят меня с любовью.
Тогда я к ней обратилась
С надеждой, мольбою, страстью:
- Секрет неземной откройте,
Как жить, чтобы, если плакать –
То плакать только от счастья?!
И женщина та седая
Ко мне тогда наклонилась
Секрет прошептать на ушко.
Проснулась... В слезах подушка...

Ирине

Речку детства сковали морозы.
Стынет в дальнем поле трава.
И роняя смолу, как слёзы,
Снова в печке трещат дрова.

Дарит пламя тепло и ласку,
Я в душе этот свет берегу,
Словно в доброй, забытой сказке,
Я навстречу тебе бегу.

И луна заглянет в окошко,
Как наивный, смешной колобок.
И уютно мурлычет кошка,
Грея серый пушистый бок.

Иль соседка права, быть может:
- Надо проще на жизнь смотреть!
Но не знаю, смогу ли тоже
Не мечтать, не грустить, не петь.

Может, там, далеко, не спишь ты,
А кругом тишина и покой...
То же небо и те же звёзды
Над Уралом и над тобой.

Сыну

Выпал снег листком бумаги белой
И напомнил, тихо нашептал,
Как мой мальчик – МАМА – неумело
Буквами корявыми писал.

Шустрые синицы, как когда-то,
На снегу печатают следы.
Время, только время виновато:
Я старею. И взрослеешь ты.

Позвонишь. И в трубке телефонной
Слово МАМА – музыкой звучит,
И надежда вновь в тиши бессонной
Вспыхнет, словно звёздочка в ночи.

Снова снег, как лист бумаги белой,
Мне напомнил, тихо нашептал,
Как мой мальчик – МАМА – неумело
Буквами печатными писал...

Письмо

Вновь тропинки зима запорошила,
Я одна у окна стою.

Как живёшь ты, моя хорошая,
В вологодском дальнем краю?

Что-то грустно, как птице в клетке,
И молчит давно телефон...

Как получишь письмо, соседке
Передай от меня поклон.

Верь, ещё зазвенят капли,
Полетит телеграмма: встречай,
Ведь не все ещё песни спели,
И не весь ещё выпит чай.

Или ты приезжай, в июле –
Я встречать на вокзал прибегу,
Покажу твоей дочке Юле
Всё, что знаю и что смогу.

Пусть увидит другую речку,
Что течёт у высоких скал,
Пусть полюбит её сердечко
Вместе с Вологдой мой Урал.

Свидание

Я приеду в город юности,
На перроне постою.
Вдруг пройдёшь, шепнув: «Прости,
Прости, я тебя не узнаю».

Снова осень, листья кружатся,
Увлекая за собой,
Я одна иду по улице,
Современной и чужой.

Где ты, улица Рабочая,
Дом 13, под горой?
Там экзамены с зачётами
Наш тревожили покой.

И стипендия желанная,
Как была ты далека!
И варилась каша манная
На воде, без молока.

И снесён тот дом под топодем,
Где мы встретились с тобой.

Помнишь, в валенках мы топали
На колонку за водой?

Даже речка безымянная
Там исчезла без следа.
Может, к морю на свидание
Утекла её вода?

И меня не помнят улицы,
Переулки и мосты.
Всё пройдёт, всё образуется...
Жаль, меня забыла ты.

Зацветёт сиренью белою
Чья-то юность вдалеке,
И снежинкою несмелою
На моей замрёт щеке.

Заведут колёса поезда
Вечный свой мотив простой.
До свиданья, город Вологда!
Вот и свиделись с тобой...

Я в храм приду, молиться не умея,
Зажгу, поставив тонкую свечу,
На лик святой глаза поднять не смея,
О самом сокровенном прошепчу.

Не попрошу ни славы, ни богатства
При хрупком свете тающей свечи.
Но дай мне Бог сердечного участия,
Прощать и верить, Боже, научи!

Письмо

Телефон, конечно, это чудо,
Но опять боюсь я обмануться.
Голос твой, ты снова рядом будто,
Да никак рукой не дотянуться.

Напишу письмо. Открою душу
И волнуюсь, буду ждать ответа.
Ты мудрей и жизнь ты знаешь лучше,
Прочитай и помоги советом.

Может, я напрасно беспокоюсь,
Старятся от холода подруги...
Ведь зима пройдёт, и с ней на полюс
Улетят седые, злые вьюги.

Может, я напрасно огорчаюсь,
Не цветут цветы, как в той рекламе,
Но зато с тюльпанами не маюсь —
Все взошли, аж целая поляна.

Может, обижаюсь я напрасно,
Редко слыша «Мама, здравствуй, мама»,

Вот подарок получила классный –
«Мотороллу» и картину в раме.

А ещё недавно я купила
Сарафанчик молодёжный в «Гамме»,
Да напрасно деньги загубила –
Набрала пять лишних килограммов.

Вот и всё. Пока письмо писала,
Поняла: мелки мои проблемы,
Напишу ещё, как обещала,
И с тобой увижусь непременно.

У тебя дела, я это знаю,
Потому не тороплю с ответом.
Только знай, я по тебе скучаю
Осенью, весной, зимой и летом.

Зеркала

Мне жить мешают зеркала.
Моей души не понимая,
Твердят, что молодость прошла,
Морщинку каждую считают.

Ворчат – пора степенней стать,
Забыть о мини-сарафане,
Стихов наивных не писать,
Не ждать чудес, как с неба манны.

Всё это знаю наизусть.
Понятен мне намёк их тонкий,
Но втайне всё же остаюсь
Той прежней сельскою девчонкой.

Завесят чёрным зеркала.
Моё лицо в серьёзной рамке.
А это... Просто я ушла
К берёзкам стройным на полянке.

Там буду ждать: вдруг ты придёшь.
Люблю. Надеюсь. Верю. Знаю –

Ромашку белую сорвёшь,
Тебе я счастья нагадаю.

Мне жить мешают зеркала,
Безжалостно напоминая
О том, что молодость прошла,
Что стала я совсем другая.

Главные слова

В повседневных заботах
я иду по дороге
И спешу по тропинке с булкой
свежего белого хлеба
И ногами топчу рыхлый снег,
победившие камень травинки,
Забываю взглянуть
на бездонное синее небо.

А недавно на улице нашей вечерней,
случайно
Я увидела, бабушка тихо о звёздах
беседует с внучкой.
И почудилось мне:
никуда не уйти от печали,
Мама рядом со мной загляделась
на ковшик со звёздной ручкой.

И припомнился вечер другой,
бесконечно далёкий:
Мама санки везёт и шуршит
под полозьями снег, как солома.

И качнулась на небе луна
так печально, устало и так одиноко,
Что, казалось, спешит отдохнуть
за трубою соседнего дома.

Свет звезды в облаках,
огоньки вдаль.
Было всё для меня нереально и зыбко,
И верёвка от санок у мамы в руке
Мне казалась дрожащею тонкою ниткой.

А потом, засыпая на тёплой
и ласковой печке
(Всяк поймёт, кто тепло это
в детстве изведал),
Замирало, щемило и билось сердечко,
И казалось, я падаю,
падаю в звёздное небо.

И я говорила маме,
во сне повторяла упрямо:
- Ты меня крепко держишь?
- Ты меня не отпустишь?

- Ты ведь меня поймаешь?
- Ты будешь рядом, мама?

Много зим прошло, много вёсен.
Уже внуки года считают.
Наступила грустная осень,
Наступило время разлуки.

Прошептала мне тихо мама:
- Я иду по самому краю.
Что-то ноги мои немеют.
Видно, скоро конец пути...

Маму я удержать не сумела,
Лишь её погладила руки,
Да укрыла её одеялом,
Важных слов сказать – не сказала,
Всё казалось: ещё успею.
Главных слов сказать – не успела:
«Ты за всё меня, мама,
Прости!»

Герань

Снова вижу я кустик герани
На окне, в суете городской.
Вспомню детство и вспомню о маме.
И наполнится сердце тоской.

Где-то в дальней лесной деревушке
Нет дорог от сосны до сосны.
Одинок вздыхает старушка,
Не надеясь дожить до весны.

Но подходит, прищурясь к окошку.
Вот и радость – герань расцвела!
Будто снова играет гармошка,
Когда мамочка дочкой звала.

Мне взгрустнулось сегодня немножко.
Только верю – плохое пройдёт!
И в руке мой внучки ладошка,
И герань на окошке цветёт.

* * *

Дни разлуки нашей велики,
А в письме о многом ли расскажешь?
И моих печалей узелки
Ты при всём желанье не развяжешь.

Я не помню, кто сказал: «Письмо –
Краткий вздох бумажки полосатой».
Но пишу и верю, что оно .
Долетит, дойдёт до адресата.

В сотый раз тебе я повторю,
Что люблю, прошу писать почаще,
Чтоб, пока живу, не пустовал
Неказистый мой почтовый ящик.

Есть и телефон, и Интернет,
Только мне всего милей, поверьте,
Получать письмо – живую весть
В старомодном простеньком конверте.

Скучаю по даче

Так скучаю я по даче,
Что порою чуть не плачу.
Сидя, лёжа на диване,
Рассуждаю о рекламе.
Сериалы надоели –
Уж сгибаюсь еле-еле:
В платье модное не влезть.
На диету, что ли, сесть?
О, прекрасные моменты!
Есть на даче инструменты:
Тяпки, грабли и лопата...
До чего же я богата!
Там любимая соседка
(Жаль, зимой с ней вижусь редко),
Летом держим с ней совет,
Как врагов нам одолеть:
Белокрылок, блошек, тлей –
Всех непрошенных «гостей».
А недавно в тишине
Сон такой приснился мне:
Выхожу я на крыльцо,
Светит солнышко в лицо.

Вновь копаюсь я на грядке
И с фигурой всё в порядке.
А ещё, ура! Удача!
Привезли навоз на дачу.
До чего хорош навоз!
И вполне приличный воз!
Да ещё – суперцена!
Эх, скорее бы весна...

Колыбельная для Юли

Спать пора. Спокойной ночи!
Только Юля спать не хочет.
Баю-бай, не надо злиться.
Сон пускай тебе приснится:
Города, вагон, вокзал,
Как ты едешь на Урал...
Снова я тебя встречаю,
Жвачкой «Орбит» угощаю.
И для грусти нет причины –
Все открыты магазины!
Вновь на горке ледяной
Мы катаемся с тобой.
Баю-бай, закрой-ка глазки.
Пусть тебе приснится сказка.
Повернись-ка на бочок,
Придет беленький бычок
В новых розовых трусах,
В босоножках при часах.
Баю-бай, глаза закрой,
Пусть приснится сон цветной:
Снова лето и цветы,
Снова рядом я и ты.

Строим домик наш красивый.
Под окошком зреют сливы.
В доме чай и лимонад –
Всяк зайти к нам в гости рад.
Будем петь и танцевать
И частушки сочинять.
Не придёт в наш дом беда,
Будет весело всегда.

* * *

Напишу, наверное, устала
От разлуки с вами, вдалеке.
Лишь в мечтах ещё не перестала
Снова жить на Сухоне-реке.

Говорят, во сне летают дети.
Ну, а мне опять приснился сон:
Детство, мама, солнце, лето, ветер,
Я спускаюсь к речке под уклон.

Сарафан из розового ситца
Вновь летит на камни и песок.
Я бегу, боюсь остановиться,
К лодке, что стоит наискосок.

И плыву, от берега отчалив.
Не пугает речки глубина.
И качает, вновь меня качает
Парохода белого волна.

И ныряю с лодки без опаски.
На душе и на сердце покой.

Жду тебя в мой сон, и явь, и сказку.
Помаши мне с берега рукой!

Напиши, что веришь: будут встречи
На реке, на нашем берегу.

Я живу, твержу: ещё не вечер...

Но... Урал оставить не могу.

Ты прости меня, мой милый

Ночь. Больничная палата.
Дождь в окно стучит уныло,
Если в чём-то виновата,
Ты прости меня, мой милый.

Тишина, а мне не спится.
Чем я сердце успокою?
И листаю вновь страницы
Жизни, прожитой с тобою.

И плывут воспоминанья,
Словно льдинки по реке,
Где-то первое свиданье
В том далёком далеке.

Сколько зим прошло и вёсен...
Внучки первые шаги...
На висках порошей проседь...
Ты себя побереги!

Не готова я к разлуке.
Не умру. Вернусь домой.

Ты мои согреешь руки,
Я прижмусь к тебе щекой.

Только рядышком с тобою
Мне цветные снятся сны —
Небо нежно-голубое
В ожидании весны...

И цветут цветы на грядке,
Словно в сказке «алый цвет»,
Значит, будет всё в порядке.
Расставанью скажем «Нет».

Ночь. Больничная палата.
Дождь в окно стучит уныло,
Если в чём-то виновата,
Ты простишь меня, мой милый?

Осеннее

Вечер. Листья под ногами шуршат.
Я одна иду домой не спеша.
И мечтаю наяву, не во сне
Вновь увидеть свет в далёком окне.

Бабье лето, уходить не спеши,
Поселяйся в уголочке души,
Покружись осенним жёлтым листом,
А ненастье отложи на потом.

Если будет грустно в ночи,
Напиши письмо, не молчи,
На удачу, как из детства привет,
Лист калины запечатай в конверт.

бы купить тебе наряд,
Чтобы ты была в нём красивая,
Чтобы завидовали все подряд,
Восхищались, какая ты милая.

А пока – всё бы да кабы...
Ты и так у меня форсистая!
Так подарок скромный прими
И стихи мои неказистые.

Недосказала, недоделала.
И снова время расставаться.
И не цветные – черно-белые
Опять мне сны ночами снятся.

И равнодушно почтальон
Пройдёт моей калитки мимо,
Как будто знает только он,
Что всё прошло невозвратно.

Прольются серые дожди.
Лишь сердце шепчет осторожно:
Люби, надейся, верь и жди.
Пока мы живы – всё возможно.

Содержание

А может, это любовь?.....	4
Две невесты.....	10
Река детства - река жизни.....	14
Мысли вслух.....	16
Три женщины.....	18
Ирине.....	20
Сыну.....	21
Письмо («Вновь тропинки зима запорошила...».).....	22
Свидание.....	23
«Я в храм приду, молиться не умея...».....	25
Письмо («Телефон, конечно, это чудо...».).....	26
Зеркала.....	28
Главные слова.....	30
Герань.....	33
«Дни разлуки нашей велики...».....	34
Скучаю по даче.....	35
Колыбельная для Юли.....	37
«Напишу, наверное, устала...».....	39
Ты прости меня, мой милый.....	41
Осеннее.....	43
«Я хотела бы спеть для тебя песню...».....	44
«Недосказала, недоделала...».....	46

ЖУКОВА Элеонора Александровна

ПОКА МЫ ЖИВЫ - ВСЕ ВОЗМОЖНО
Избранное

Составитель Ирина Огаркова.

Набор - Сергей Коробов.

Макетирование и верстка - Ирина Мухина.

Подписано в печать 11.05.2007 г.

Отпечатано в Североуральской типографии.
